

Влад Маврин

День Сэма

Рассказы

Моя Строка

Влад Марвин

День Сэма

«Моя Строка»

2020

Марвин В.

День Сэма / В. Марвин — «Моя Строка», 2020

ISBN 978-5-9500167-45

В книге собраны абсолютно разные по жанру и сюжетам повествования. Здесь и запечатленная память, раздумья о судьбе и любви, попытка осмыслить по – своему некоторые общеизвестные взгляды на окружающую нас действительность и даже откровенный кич. Возможно, всё это сделает чтение этой книги приятным и небезынттересным.

ISBN 978-5-9500167-45

© Марвин В., 2020
© Моя Строка, 2020

Содержание

Рассказы	5
День Сэма	5
Сорок седьмая хромосома	9
Кремлёвские побасенки	11
Библейские побасенки	13
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Влад Маврин

ДЕНЬ СЭМА

Рассказы

День Сэма

Сэм погиб под колёсами подмосковной электрички 5 декабря 1962 года.

Сейчас, спустя многие годы, мне вдруг пришло в голову: а почему мы звали его Сэм? Ведь он был Сашка. Звали же мы Мишку Ипполитова – Майком. Значит, и Сашка мог быть Алексом. А тут меня осенило: мы могли звать Сашку Матвеева его инициалами – СЭМ. Надо будет спросить Майка, он ведь знал Сэма с детства, может, он вспомнит. Вспомнит... 47 лет прошло!

Это случилось, когда мы – школьная агитбригада – возвращались из подмосковного детского дома, в котором давали шефский концерт художественной самодеятельности. Этим первым и последним концертом наше шефство и закончилось. Если бы Сэм не нёс тот злополучный Танькин аккордеон, он бы остался жив. Аккордеон был у него в руках, когда Сэм вместе с Цымбой и Пупсиком стояли вплотную к проходящему поезду. А сзади, отрезая нас, остальных, нёсся встречный поезд, которого они не слышали. Неожиданное и сильное завихрение бросило обеих девчонок на насыпь, а Сэм... Не осознавая страшной опасности, грозившей ему самому, он пытался спасти аккордеон, вырывавшийся у него из рук, и был сбит поездом.

Он умер уже по пути в больницу в санитарной машине. Вадик – Рыжий (одному из нас разрешили поехать вместе с Сэмом) держал его голову у себя на коленях; он был весь в крови. Когда мы приехали в больницу, мы ещё не знали этого. Но вышел кто – то из врачей и сказал нам: «Умер ваш парень».

Цымба тогда отделалась сотрясением мозга, а Пупсику врачи наложили швы на разбитую голову. Фукс, подглядывавший в полуоткрытую дверь процедурной, видел, как перед этим ей брили волосы на макушке. В каком – то полушоковом состоянии от всего происшедшего, он кричал на врачей:

– Не надо брить наголо, хватит! Она совсем лысая!

Дверь закрыли.

Было уже поздно, около 10 вечера, когда мы все сгрудились под аркой у подъезда Сэма.

Подавленные и страшно растерянные, мы не могли заставить себя подняться на шестой этаж и позвонить в его квартиру, чтобы сказать Евгении Максимовне и Владимиру Михайловичу о том, что произошло. Было очень холодно.

– Надо идти, – всхлипнула Танька. И кончайте курить!

Тёмной и молчаливой похоронной процессией мы потянулись в подъезд к лифту. За дверью в квартире, когда мы позвонили, было тихо и никого.

– Значит, они уже всё знают и поехали туда, – высказал свою догадку Шеф, – надо по домам.

– Я боюсь домой, – сказала Колоб, – мне так страшно...

– Зойка, милый, переночуешь у меня. – Это Танька.

Вконец опустошённые, мы в конце концов разбрелись по домам.

Сэма хоронила вся школа. Для большинства из нас эта была первая, так близко нас коснувшаяся смерть. Ведь нам было шестнадцать лет, всего шестнадцать... Все мы были из десятого «Б». Школа, как и район, где мы жили, была новая, и компания наша, которую мы почему

– то назвали «Артель», только недавно образовалась, хотя некоторые знали друг друга давно: Майк, Рыжий, Маркиз и Сэм жили в одном доме и дружили с четвёртого класса. Все знали, что Сэм хотел после школы поступать в Институт международных отношений. Вообще, в нём был какой – то внутренний стержень, некая зрелость, которая выделяла его среди нас. Он много читал и знал, чего он хотел в жизни. Пупсик много позже говорила, что если бы Сэму суждено было жить, он достиг бы многого. Вообще – то, он ей нравился.

Гроб стоял в канцелярии школы, прямо перед кабинетом Анны Павловны, нашего директора. Занятия были отменены, и ребята подходили прощаться с Сэмом. Десятый «Б» стоял в почётном карауле. Евгении Максимовне было очень плохо, и Владимир Михайлович вместе с школьной медсестрой время от времени отводили её посидеть в кабинете директора. Нам было мучительно больно, просто невыносимо смотреть им в глаза. Нас придавило чувство вины, что вот мы все живы, а их Сашка – нет.

А потом мы, весь его класс, ехали в промёрзшем насквозь автобусе на кладбище в Кузьминки хоронить Сэма. Был сильный мороз и много снега. Кто – то и что – то говорил у его открытой могилы – не помню. Помню только, как мы длинной очередью отковыривали куски мёрзлой глины и бросали её в могилу нашего товарища. И ни одному из нас, дрожащим от холода и в глубине души хотевшим оказаться побыстрее где – нибудь в тепле, подальше от этого места, не могло даже привидиться, что отныне место это будет для «Артели» нечто вроде гавани, где мы, будто кораблики, потрёпанные жизненными ветрами, будем встречаться и салютовать друг другу.

Нас отвезли обратно в школу в том же автобусе. Ещё по пути с кладбища мы впервые вспомнили о наших девчонках – Цымбе и Пупсике – и условились навестить их. Цымба появилась в школе уже на следующей неделе. Она была, казалось, всё той же Люськой, только что – то неуловимо сухое и серьёзное появилось в её глазах. Пупсик же с перебинтованной головой пролежала дома вплоть до Нового года. Врачи не разрешали ей вставать, и все мы приходили навещать её каждый день. Её квартира, благодаря терпению и деликатности родителей, превратилась в клуб, где мы встречались, делали уроки, опустошали Пупсиков холодильник, вспоминали Сэма и строили всякие планы. Не было дня без сакраментальной фразы: «Ну что, во столько – то у Пупсика». Случившееся несчастье нас здорово подвинуло друг к другу: семейных ребят и пятерых девчонок, нашу агитбригаду, нашу «Артель».

А потом был школьный театр миниатюр, который мы сами создали и придумывали разные, как нам казалось, смешные сценки (мы их называли интермедиями). А девчонки наши пели квартетом. Мы были жутко популярны. Остаток десятого и весь одиннадцатый класс где мы только не выступали. И это вместо подготовки к выпускным и приёмным экзаменам.

Неудивительно, что после окончания школы только троим из нас удалось поступить в институт, причём Харки поехал учиться в Питер, в высшую мореходку.

Через год, пятого декабря, мы все собрались на кладбище перед уже огороженной могилой и поставленным памятником. Фотография Сэма на чёрной гранитной плите, где он в школьной гимнастёрке, с по – взрослому зачёсанными назад волосами, и его – Сэма – имя и фамилия, и даты такой неправдоподобно короткой жизни... Шестидесят второй год, а мы уже жили в шестьдесят третьем. Эта дата смерти оставляла Сэма в прошлом, а мы стояли на пороге длиннющей дороги протяжённостью в целую жизнь. Мы помянули тогда Сэма принесёнными двумя бутылками портвейна.

После окончания школы Майка призвали в армию, а годом позже и Фукса. Мы же, остальные, поступили учиться в разные московские вузы. Встречались всё реже и реже: новые друзья, интересы, иная жизнь. Словом, как любил повторять Маркиз, «жизнь – разлучница нас упрямо разводила», однако каждый раз в начале декабря «пепел Клааса стучал в наши сердца», мы созванивались и договаривались идти к Сэму. На его могиле появилась небольшая самодель-

ная скамеечка, под сиденьем которой была ёмкость, где мы оставляли (и, как это ни странно, всегда находили) пару гранёных стаканов.

Очень редко, когда приходили все или даже почти все, но кто – то из нас всё же приходил обязательно. Редко, когда мы приносили Сэму цветы, денег на это как – то не находилось, но поминали его всегда. Мы больше не грустили, приходя к нему, а обменивались новостями, хохмили и порой наш смех звучал слишком громко и неуместно. У Сэма встречались те, кто в силу разных причин и обстоятельств не виделись по нескольку лет. Это было определённое время и место, где мы возвращались в наше прошлое.

Всякий раз, приходя сюда, мы видели оставленные на его могиле цветы. Могила была прибрана, родители приходили всегда раньше нас. Удивительно, мы ни разу за многие годы так и не повстречались с ними. К тому же через некоторое время Евгения Максимовна с мужем куда – то переехали.

Встреча с родителями Сэма случилась через двадцать пять лет после его гибели. В тот день мы, наверное, впервые приехали на кладбище раньше их. Дата была круглая, поэтому почти вся «Артель» была в сборе. Наши «девчонки» принесли цветы, мы выпивку. Декабрь стоял не холодный, а снегу было много, как тогда, и нам светило тусклое зимнее солнце. Расходиться не торопились, многие, особенно девчонки, давно не виделись. «Поминование» Сэма было в разгаре, когда мы заметили подошедшую к нам пожилую пару – это были его родители. Мы это поняли сразу, ведь мы их знали всегда людьми пожилыми. Тогда для нас, шестнадцатилетних, наши родители сорока с лишним лет казались уже безнадежно старыми, а сейчас мы сами стали их ровесниками. Они не сразу поняли, кто мы. А когда признали, отказались верить своим глазам. Это было непостижимо, что к их Сашке, спустя двадцать пять лет, пришли его товарищи – одноклассники, пришли людьми взрослыми, сами уже родители таких же детей, какими были они тогда. Их Сашке, нашему Сэму, была дана слишком короткая жизнь, но очень долгая память. В тот день мы как бы вернули им сына на какие – то короткие, но радостные минуты свидания с его тогдашним миром. И они были нам благодарны за это. А мы это бессознательно поняли и были счастливы.

Прошло ещё несколько лет, и мы увидели, придя к Сэму, ещё одно имя, выбитое на камне – имя его матери. Для скамейки места больше не было, всё занимал большой и красивый цветник.

Жизнь продолжала катиться, разматывая череду событий, как радостных, так и грустных.

Страну потрясали перемены. А у наших детей появились уже свои дети. Не стало уже троих из нас. Нет уже Таньки, Маркиза и Харки. Но, странное дело, поминать их – наших друзей – мы приходим на могилу Сэма.

Смотрю на часы, уже четыре ночи, значит – двенадцать дня в Москве. Хорошо, что я так и не ложился спать. Наверняка не встал бы. Пора звонить, они уже все там. Там – это на Кузьминковском кладбище у могилы Сэма. Мобильники, конечно же, есть у всех, но номер я знаю только Фукса. Фукс должен быть там наверняка.

– Фукс, привет! Не узнал, что ли? Как я вас вычислил. А?!

– Кутя, ты? Ну ты даёшь! Угадай с трёх раз, где я и с кем?

– Балда ты, Алексеич, на календарь взгляни, у нас ведь тоже пятое декабря, ночь только...

Кто с тобой?

– Кутя, вот мы здесь стоим у Сэма тёплой компанией: Шеф, Майк, Рыжий и я. – По голосу чувствую, что встреча в разгаре. – Погода великолепная, снега никакого, температура много выше нуля не только вокруг, но и внутри нас. И вспоминали только что вас с Пупсиком. Как вы там?

– Всё нормально, Пупсик спит, ведь ночь ещё у нас. А я решил позвонить прямо сюда, чтобы мы были сегодня все вместе. Всё – таки сорок семь лет! Ну, как там?

– Как тут? Здесь теперь полный комплект... Батя Сэма умер, Владимир Михайлович... Похоронили его недавно в эту же могилу. Упокоились они наконец... Все...

А дальше по кругу:

– Кутяся! Фраер ты, мог бы и подлететь! – Это Майк. Для него десять тысяч километров – прогулка. Он всю жизнь по командировкам.

– Кутинька! – Так ласково меня зовёт только Шеф. – Как же мы все по вас скучаем.

Приехали б, что ли, повидались бы. Как там Пупсик?

– Кутя, привет! Тысяча лет как я твою морду не видал! – Это Рыжий.

– Ты, Рыжий? – В ответ довольное хмыканье. – Я ваш, но я уже не Рыжий, а Седой! Это Вадик, Вадим Николаевич, как всегда – прозой и стихами. Единственный среди нас пишущий человек.

– Между прочим, Вадим Николаевич, кто – то обещал лет тридцать тому назад написать повесть об «Артели»! – связвил я.

– О ком писать? О негодях, жалких и ничтожных личностях, как вы? А потом, в кризис не очень – то пишется. – В этом весь Рыжий...

– Смотри, Вадим Николаевич, а то я сам тряхну стариной. Конечно, на повесть или же роман меня не хватит, но на рассказ – пожалуй.

– А что, Кутя, и название небось придумал? – ревниво поинтересовался Рыжий.

– Кажется да – «День Сэма».

Сорок седьмая хромосома

Не родившимся

Моя ненормальная мамаша кокнула меня, когда мне не было и четырёх месяцев. Ну просто полный отпад. Я мог ожидать чего угодно от этих козлов – моих будущих родителей, но только не этого. Я до сих пор не могу прийти в себя от их хамства. Нет, это надо же?! Я ждал своего появления хренову тучу лет: очередь кошмарная, о том, чтобы прорваться без очереди – об этом можешь забыть. Кому охота париться в этом грёбаном отстойнике дольше положенного в ожидании, когда тебя призовут снова. Здесь нас – тьма тьмущая, не сосчитать. Делать нечего – одни воспоминания. Да и они похожи. Только время да места разные, а так – считай всё одно и то же: родился, пожил – и привет, опять загорай. Хотя иногда бывают интересные появления, но это редко. В общем. живёшь всего лишь миг, а потом томишься здесь вечность.

А ведь начиналось всё вроде бы совсем не плохо. Когда меня призвали в очередной раз, я был рад до потери пульса. Всё было чин – чинарём: объявили точное время и место выхода, присвоили пол – дали мужской на этот раз. Тоже здорово, а то последние два появления я была женщиной – тоже не сахар: рожать надоело. Да и прожила я тогда, особенно в предпоследний раз, всего ничего – двадцать четыре года. От родов и померла тогда. Ну да время было тревожное, беспокойное: соседнее племя пихуаков враждовало с нами. Редкий год без войны. Я тогда была шестой женой вождя, и он меня очень выделял. Ему нужны были воины, и я рожала ему почти каждый год. И всё мальчиков. А на седьмом ребёнке сломалась – ушла. Да и как не умереть, когда вещунья наша даже рук своих не помыла, когда ко мне полезла.

Так что с полом на этот раз было всё в порядке – я должен был стать мужчиной. Мужской геном закодировали правильно. Ну, думаю, всё в полном ажуре: осталась последняя процедура – снабдят кариотипом и на выход. Кариотип, оказывается, штука не менее важная, чем всё остальное. Это совокупность признаков полного набора хромосом. Что, непонятно? Это я сейчас стал всю эту ерундистику понимать. А тогда я в этом ни бельмеса не просекал тоже.

Короче, когда они закодировали этот самый кариотип, мне вместо сорока шести половых хромосом всадили, уроды, сорок седьмую. Как они это прошляпили – ума не приложу. С тем и задышал.

Ну я, понятное дело, знать ничего не знаю, что это такое. Плаваю себе в матке, кайфую. Планы строю. Уж коли я мужчина, то, может, стану снова проконсулом, как тогда, в седьмом появлении в Риме. Правда, и там пришлось повоевать, а уж сколько ран получил от стрел да мечей – так не сосчитать. Начинаешь вспоминать – так редко, когда от старости да в своей постели уходишь. Может, у кого чаще, у меня всего – то пару – тройку раз и выдались спокойные и длительные появления.

Родители мои поначалу ничего себя вели. Мамашка, как про меня прознала, – обрадовалась сверх меры. Я у неё вторым пойти был должен, первой была сеструха, ей уже было пять лет, а они всё ждали парня. Я, между прочим, сеструху эту ещё раньше в отстойнике встречал. Мелкая душонка. Вот, думаю, первый конфликт уже обеспечен: с кем буду драться поначалу. Так вот, мамаша моя, женщина дородная, в теле, поэтому лежать мне там было вполне удобно. Питалась она просто первоклассно, так что и мне много чего вкусенького перепало.

Папаша мой был вполне ничего себе мужчина. Его – то я разглядел хорошо. Всё норовил послушать, как у меня сердце бьётся. Бывало, ухо приложит к матушкиному животу, там, где он думает, у меня сердце, замрёт и лыбится от счастья глупо. А у меня там попка. Вот смеху – то. И сеструха туда же, прильнёт ухом и слушает, будто понимает что. А уж как папаша мамашу обхаживал! Мне бы хоть каплю такой заботы от моего прежнего мужа – вождя в том моём появлении.

Кончилась вся эта лафа в один миг, когда поскакали мои предки определять мой геном, кто я на самом деле: мальчик или девочка. Заодно УЗИ показало у меня признаки этого самого синдрома Дауна, будь он неладен. Хромосомы помните? Вот – вот, у меня и оказалась лишняя хромосома в двадцать первой паре. Они как узнали – сразу в слёзы, истерика. Ну, думаю, что за шум, что ещё я натворил. Оказалось, что я даун. То есть просто неполноценный и умственно отсталый. Дефективный, одним словом. И самое лучшее – это меня совсем не рожать, а отправить обратно. Как вам это нравится? Я – в одиннадцатом появлении ректор университета Сорбонны, один из пяти выдающихся учёных – богословов Европы шестнадцатого века, – дефективный и умственно отсталый?! А они тогда кто?

В общем, пошли сплошняком тесты да анализы. Анализ крови подтвердил – даун! Потом взяли пробу вод, где я бултыхаюсь. Для этого полезли шприцом прямо в мою ванну. Я тогда замер: игла была прямо рядом со мной, неровен час заденет. Но нет, откачали немного жидкости и убрались подобру – поздорову.

Родители мои извелись совсем, каждый день слёзы, споры. Рожать не рожать, как мне жить дальше – а может, не жить совсем. Забегали по врачам – консультантам, даже к какой – то старухе – знахарке зачем – то попёрлись. Та всё что – то шептала, живот мамашкин руками своими гладила. Я аж исчезался весь после этого. Дала мамаше чего – то выпить, так мне совсем нехорошо стало: одна дурь и муть в голове. Сразу вспомнил, как я в тринадцатом появлении шаманил и в ступор входил, как напьюсь дряни подобной.

Ну вот, а потом притихли они. Ну, думаю, образумились наконец – то. Ан нет! Ночью слышу, опять они обо мне, но только уже без истерик. Решили они меня известить всё – таки. Папаша – вроде как прощаться – полез меня слушать, так я его с досады ногой пнул. А он в слёзы – расчувствовался вроде очень. А утром поехали в госпиталь. Там мы с мамашей моей и остались. Посерьёзна она, а ведь раньше – то, до этой истории, она весёлой была. Всё хи – хи да ха – ха. Грустно ей стало, одним словом, со мной – таким красавцем – расставаться.

Ну что, повели нас в операционную, уложили. Мне поначалу даже интересно было: сколько всего там нового, чего я ещё и не видал. Вкололи мамаше чего – то. Тут меня сразу и повело. Лежу, кайфую. Соображения – ну нисколечко. Одна дурь в голове. Только вижу – иглу вводят. Ну, думаю, опять откачивать воду будут из моей ванны. Да только игла эта прямо ко мне ползёт. Медленно только очень. Ах ты, думаю, зараза, уколеть меня хочет? А она всё ближе, смотрю – прямо в сердце метит. Я двинуться не могу, замер. Вот уже кольнула меня. Ай! Я мгновенно дуэль свою вспомнил в десятом появлении, когда этот прохвост, виконт де Ла Мотт, убил меня ударом шпаги прямо в серд... Ах! Больно... ухожу... у... у...

Вот и вся история. Снова здесь в душевном покое. Спрашивают, что да как. Чего так скоро назад. А мне и рассказать особенно нечего. Скучно... Опять томись...

Кремлёвские побасенки

Крем для бритья

Уже начало светать, когда Поскрёбышев, аккуратно приоткрыв дверь в кабинет Сталина, доложил, что товарищ Молотов ожидает в приёмной.

– Скажите, я уже иду, пусть подождёт пару минут. – Сталин просмотрел последнюю страницу списка приговорённых к высшей мере особым совещанием и пошарил рукой по столу в поисках красного карандаша, которым он обычно визировал такие бумаги. Взяв карандаш, он ещё раз взглянул на лежащую перед ним страницу и очеркнул в ней что – то. Потом поднял телефонную трубку и, услышав голос секретаря, сказал:

– Пригласите Вячеслава Михайловича.

– Есть, товарищ Сталин, – ответил бесстрастный голос. Через минуту в кабинет вошёл Молотов.

– Что, Коба, что – нибудь срочное? – спросил Молотов.

– Слушай, Вячеслав, – Сталин кивнул головой на лежащий перед ним расстрельный список, – тебе фамилия Шапиро говорит что – нибудь?

– У меня в аппарате таких Шапир целых трое: две женщины в секретариате и бухгалтер, всё время их путаем, даже номера присвоили, чтобы не сбиться.

– Этот Шапиро уже не в аппарате, арестован в феврале, а теперь вот приговорён... Он инженер Метростроя. Может, помнишь, Вячеслав, ведь он на последней московской партконференции толково выступил по вопросу о внедрении передового опыта в прокладке метро.

– Да, было такое дело, Коба. Так что он натворил?

– Попытка теракта, покушение на Лазаря Кагановича.

– Что-о? – Молотов вскинул брови.

– Пойдём, Молот, домой. Спать пора, расскажу по дороге. Ты пока завизируй этот список, а я накину шинель, прохладно.

Молотов скользнул взглядом по списку, на секунду задержав его на фамилии Шапиро, достал вечное перо из бокового кармана и расписался ниже фамилии Сталин.

– Ты готов? – спросил Сталин. – Пойдём, наконец.

Они вышли из кабинета и, миновав приёмную, спустились в лифте на первый этаж. Власик уже ожидал их у самых дверей.

– Мы пройдемся пешком, – сказал Сталин Власику. Они вышли из подъезда и, дойдя до угла, свернули на Ильинку по направлению к Кремлю. Машина Сталина медленно двигалась за идущими рядом Сталиным и Молотовым, а сзади шли Власик и ещё два сотрудника охраны. Улица была абсолютно пуста. Было сыро после прошедшего ночью дождя. Стояла ранняя весна, и тянуло холодной предутренней свежестью. Сталин старательно обходил стороной лужи, чтобы не набрать в сапоги воды. Молотов неодобрительно взглянул на его обувь.

– Слушай, Коба, ну если не шинель, то новые сапоги, по крайней мере, ты можешь себе заказать. Эти уже каши просят.

– Как ты сказал, Вячеслав, каши? Нет, они лобию просят. – Сталин усмехнулся и покрутил головой. – Эх, Молот, какое лобию делали у нас в Гори. А сапоги... скоро сухо будет. Да и я всё время или в машине, или...

– Так что этот Шапиро удумал сделать с Лазарем? – спросил Молотов.

Сталин задумался и, казалось, не расслышал его вопроса. Потом остановился и, повернувшись к Молотову, сказал:

– Знаешь, Вячеслав, если с нашим Валерианом когда –нибудь что –нибудь случится, мы назовём эту улицу его именем, улицей Куйбышева. Правильно?

– Да, Коба. – Молотов почувствовал лёгкий озноб. Но глаз своих в сторону не отвёл – это было опасно.

Они уже миновали здание наркомфина и приближались к Красной Площади, когда Сталин вернулся к прерванному разговору.

– Ты знаешь, Вячеслав, что Лазарь буквально заболел метростроем. Он даже ночует там, под землёй, чтобы держать всё под своим контролем. Ему отвели каморку с фанерными стенами на одной станции, где он спит, – геройский мужик. Неделями под землёй, только на заседания Политбюро поднимается. Умывается, бреется там, живёт, короче говоря. – Сталин помолчал. – Только стал Лазарь замечать, что крем для бритья, наш политбюровский, который нам из Америки с риском для жизни наши товарищи привозят, начал пропадать у него, понимаешь? Ну никак наши химики не могут раскрыть секрет его состава и как он под давлением выходит из баллончика, а?..

– Да, крем чудесный, даже моя Полина «ворует» его у меня понемногу вместо мыла, – заметил Молотов.

– Вот, вот, мы ей ещё припомним это «воровство», – весело сказал Сталин. Молотов снова почувствовал пробежавший внутри него холодок, несмотря на весёлый тон Кобы.

– Дошло, Вячеслав, дело до того, что два раза Каганович выступал на ответственных собраниях небритым! Понимаешь, ронял авторитет партийного и государственного руководства. Пришлось вмешаться органам. Разоблачили этого негодяя Шапиру. Оказывается, его рабочее место было в соседней прорабской. Там располагается центр аварийных ситуаций в метро, он там работал. – Сталин помолчал. – Он и воровал, ведь двери у себя Лазарь никогда не запирает. Сознался во всём полностью – троцкистом оказался. Понимаешь, какой негодяй: он брился, а член Политбюро ходил небритым. Такие предательские удары в спину нашей партии только троцкисты вместе с правыми оппортунистами могут наносить.

– Как хорошо, Коба, что наша партия не теряет бдительности перед троцкистской угрозой.

– Да, Молот, мы всегда начеку.

Они уже входили в ворота Кремля, и часовой отдал им честь. А над весенней Москвой занималась заря нового счастливого дня.

Библейские побасенки

НОЕВ КОВЧЕГ

*Ной был человек праведный и непорочный в роде своём...
из Библии*

– Ной! – Милка подошла к сидевшему в слабой тени чахлого деревца мужу и, присев на корточки, коснулась его плеча. – Я принесла тебе поесть. Ты очень устал, да?

Веки Ноя дрогнули, он с трудом открыл глаза и взглянул на жену. Морщины на его лбу разгладились и страдальчески намуренное выражение, не сходявшее даже во сне с его лица, сменилось при виде Милки нежностью и кротостью. Он протянул руку и погладил её по щеке.

– Есть не хочется – жарко очень, но надо, – ответил Ной. – Силы нужны: работы ещё много, а времени остаётся мало. Тяжело, ты же знаешь, какой из меня плотник? Я ведь всю жизнь пахал, а не строил. Да и лет мне уже без малого шестьсот. – Он помолчал. – А где ребята? Кликни их, пусть придут поедят.

– Сим и Иафет работают на верхней палубе, – ответила Милка. – Они сейчас спустятся. А Хам пошёл за земляной смолой: это место ему указал Бестелесный.

Ной кивнул и с трудом поднялся. Пока Милка расстилала чистую холстину на большом и плоском валуне, который служил им столом, и уставляла её нехитрой снедью, он, прикрыв глаза ладонью от безжалостно палящего солнца, смотрел на неправдоподобно огромное сооружение, занявшее собою всю большую поляну и похожее... Да нет, ни на что оно не было похоже. Вроде бы дом, но без окон и такой большой, каких он никогда не видал в своей жизни. Какой – то гигантский обломок скалы.

– Творец – Создатель, – прошептал Ной. – Неужто моих рук дело?! Ты вразумил!

Ной знал, что этот чудовищный урод и не дом вовсе. САМ ОН назвал его КОВЧЕГ. Три «палубы» – так сказал Бестелесный, верхняя, средняя и нижняя. Как будто три дома: один на другом. В селении, где жил Ной, в домах была только одна «палуба» – нижняя, да и та с каменным или земляным полом. А здесь не только стены, но даже полы были из дерева гофер: прочного и смолистого. Да и высоты дома в его посёлке достигали едва пять локтей. А здесь аж целых тридцать – выше самых высоких деревьев!

Подошли Сим с Иафетом.

– Как вы, отец? – обратился к нему Иафет, младший его сын. – Пожалейте себя, отдохните, а мы сами закончим работу.

– Подай воды омыть руки, – сказал Ной Милке, молча стоящей рядом. Потом посмотрел исподлобья на Иафета и пробормотал: – Вот закончим, потом отдохну.

Милка взяла стоящий в кустах кувшин с водой и слила на руки мужу и сыновьям. Все расположились вокруг камня и принялись за еду.

– Сим, – спросил Ной безучастно жующего лепёшку старшего сына, – как там у тебя внизу? Ты закончил стойла для верблюдов?

– Не беспокойтесь, отец, верблюды, быки, птицы, – все останутся довольны, – так же безучастно ответил Сим.

– А ты сам? – намурившись, спросил его Ной. – Доволен?

– Отец! Как же я, да и мы все, можем быть довольны тем, что мы строим уже столько месяцев, не жалея сил и терпя насмешки от односельчан, если мы сами не знаем, что мы делаем и зачем?!

Ной тяжело вздохнул и поднял глаза к небу, словно испрашивая там ответа, и, не найдя его там, перевёл взгляд на Сима:

– Терпи, Сим, и вы все терпите. Придёт час – узнаете.

Они продолжали молча есть. Молчание нарушил подошедший Хам. Милка слила воду на руки сына; он взял из её рук кувшин и стал жадно пить. Напившись, он присоединился к общей трапезе.

Ной повернулся к Хаму:

– Бестелесный показал тебе, где есть смола?

– Да, отец, – ответил с набитым ртом Хам. – Это недалеко, за Сухой щелью в Феколе, – он махнул в ту сторону рукой. – Земляной смолы там много и нам понадобятся три повозки, чтобы возить её сюда.

– Пусть жёны ваши: Руфь, Хеттуру и Наама – будут делать это. Днями начнём смолить Ковчег, – сказал он. – Однако пора, – покончив с едой, сказал Ной и встал. Все поднялись вслед за ним.

– Пошли работать, – продолжил он. – Ты, Сим, и ты, Хам, идите на верхнюю палубу. А я с Иафетом будем внизу.

Сыновья пошли к Ковчегу. Ной повернулся к Милке, которая убирала остатки еды.

– Передай Руфь, чтобы они побыстрее заканчивали с кормом для животных. Завтра им надо будет возить смолу. Вечером я осмотрю упряжки. Ну, иди, Милка.

Ной взял кувшин с водой и пошёл на поляну вслед за сыновьями, а Милка, собрав в узелок остатки дневной трапезы, пошла обратно по столько раз уже хоженной тропинке домой.

Ной с сыновьями продолжали работать вплоть до захода солнца. Работа спорилась, и сегодня помощь Бестелесного им больше не понадобилась – они знали уже сами, что и как надо было делать. Когда солнце село и стало темнеть, стали собираться домой.

– Идёмте, отец. – Сим подошёл к отцу, задумчиво стоящему около громадины строящегося Ковчега, и тронул его за рукав.

– Вы идите, я побуду здесь ещё немного, – сказал Ной.

– Хорошо, отец. Мы будем ждать Вас с ужином. – Сим кивнул братьям, и они пошли домой.

Когда стихли шаги сыновей, Ной отошёл к самому краю поляны и при свете вышедшей луны в который уже раз с изумлением всмотрелся в Ковчег. Он не мог всё ещё осознать до конца, что эта рукотворная гора есть плод его деяния. Трудно себе было даже представить, что эту громадину длиной в триста, шириной в пятьдесят и высотой в тридцать локтей построили всего за полгода четыре человека! Свой дом Ной строил почти два года. А здесь смогло бы разместиться всё селение, да и для скота место осталось бы.

Задумавшись, он не сразу ощутил лёгкое касание струящегося воздуха. Это был Бестелесный.

– Ной, – услышал он знакомый приглушённый голос. – Работы осталось немного, но времени осталось ещё меньше. ОН торопит нас и сердится за задержку.

– Но ты же видишь, мы работаем не покладая рук, изо всех сил, – воскликнул Ной. – Нам очень тяжело, ведь мы строим то, что никто и никогда не строил до нас. Я даже не могу уразуметь, как этот Ковчег нас сможет уберечь.

– Не ропщи, Ной! – прошелестел голос Бестелесного. – Не Ковчег – ОН уберёжёт! Ведь ОН тебя за праведника держит. Понимать должен!

Ной, закрыв глаза, склонил голову.

– Теперь слушай и внимай, – продолжал Бестелесный. – Не забудь выделить место для домашних и полевых мышей и прочих грызунов.

– Да где же я найду для них место! – всплеснул руками Ной. – Там и так уже повернуться негде, такая теснота.

– Посели их вместе со змеями, скорпионами и прочими ядовитыми тварями.

– Ты шутишь, наверное, со мной, – с надеждой в голосе спросил Ной. – Ведь твари ядовитые в мгновение ока сожрут всех мышей.

– Вспомни, Ной, что ОН сказал: «В Ковчеге все твари будут уживаться мирно. Никто никому не навредит: ни человеки – зверям, ни звери – зверям, ни звери – человекам».

– А человеки – человекам? – спросил Ной.

– Фильтруй базар, Ной, и не вводи ЕГО во гнев, – возвысил голос Бестелесный. – Неужто Авеля с Каином вспомнил, родню свою? Твоё это бремя и приплода твоего, ты его и неси. – И после недолгого молчания добавил: – Хорошенько просмоли днище и стены Ковчега, чтобы не осталось щелей. Да, и вот ещё, не забудь – отверстие в крыше должно быть маленьким, не больше чем в локоть.

– А мы не задохнёмся там без окон? Нас ведь там будет много, – кивнул Ной в сторону Ковчега.

– Уповай на НЕГО, Ной, и не бойся ничего.

С этими словами Бестелесный отлетел, а Ной, тяжело вздохнув, отправился домой. Путь его лежал через долину, поросшую низкорослыми деревьями и кустарником. Дальше начиналась небольшая роща. Тропинка хорошо была видна в лунном свете. Наступила спасительная вечерняя прохлада. Ной шёл, задумавшись над тем, что сказал ему Бестелесный. Постройка Ковчега близилась к концу, а с окончанием строительства наступал и конец всему, что составляло жизнь Ноя и его семьи. Да если бы только его семьи! Тяжело было Ною думать об этом. А не думать он не мог. Сознание того, что он один знает то, что не дано было знать ни одному живому существу, о приближающемся конце света для всего живущего на земле, давило и отравляло само его существование, лишало покоя и удовлетворения от его в прошлом тихой и размеренной жизни. Некогда весёлый и открытый душой, Ной за эти полгода стал хмур и внутренне сосредоточен. Ведь он был простой землелепец и кормился от трудов своих, почитал родителей: отца Ламеха и мать Циллу, был предан брату своему и сестре, любил жену и в строгости растил детей своих, приучая их с раннего возраста к труду и почитанию родителей. Сыновья выросли и обрели жён своих. Пришло время и им обзаводиться домами и детьми. Ной с Милкой мечтали о внуках. Казалось, жизнь как река будет протекать в своём проторённом русле. А теперь надо было распрощаться со всей прошлой жизнью и всем, что её наполняло: домом, каждодневным трудом на земле ради хлеба насущного, друзьями, своими близкими, просто знакомыми людьми и даже родительскими могилами. А что их ждало впереди? Один только ОН знает...

Мысли Ноя оборвались. Он остановился около густого терпентинного куста. Всякий раз, проходя мимо него, Ной испытывал неопишное душевное волнение. Именно здесь, у этого куста, тогда и произошла эта встреча, перевернувшая всю его жизнь.

Тем ранним утром Ной шёл к себе в поле. Вокруг стояла такая необычная тишина, от которой у Ноя даже заломило в ушах; ни один лист на деревьях, ни травинка на земле не шелохнулись. И только этот большой терпентинный куст, стоящий на его пути, источая густой аромат струящейся смолы, раскачивался как от порывов сильного ветра.

– Ной! – вдруг услышал он. В первый момент он даже не понял, что это обращено к нему, и продолжал идти, но потом что – то словно остановило его. Ещё ничего не понимая, он обернулся и, не увидя никого, хотел идти было дальше, как снова услышал, что кто – то сказал ему:

– Ной! Это я, Творец и Создатель, обращаюсь к тебе, подойди!

Ной остолбенел. Это было непостижимо: слышать отчётливо слова, возникающие из ниоткуда. Они, эти слова, словно рождались в его сознании. Глаза же его были прикованы к шевелящемуся кусту. Ной приблизился к нему и в страхе остановился.

– Давно призрел я тебя, Ной! Жизнь ведёшь ты праведную и непорочную. Поэтому и обрёл ты благодать пред очами моими. Слушай и внимай!

Ной замер, не неотрывая глаз от куста.

– Когда создал я человека по своему образу и подобию, отвёл я ему жизнь вечную. Но не выдержал предок твой искушения и соблазна. Возжелал он познать то, что не дано было ему знать. Тогда и лишил я его жизни вечной, одел его и праматерь твою кожей и спустил их на землю. Отвёл я им работу на земле в поте лица до скончания века их, – голос на мгновение умолк. – Не скрою от тебя, Ной, – думал я, что, познав таинство совокупления, начнут люди плодиться и размножаться во искупление греха первородного для того только, чтобы заселить землю, которую я им отвёл. Но вижу я, что напрасно борется дух мой с плотью человеческой. И борение это – бесконечно и не имеет смысла. Воскорбел я в сердце своём, ибо вижу, как велико стало развращение людей на земле. Опаскудели людишки. Сыны человеческие стали брать дочерей человеческих не только себе в жёны для продолжения рода своего. Все их мысли и помышления сердец – в похоти и разврате во всякое время. Раствленна стала земля, ибо извратила всякая плоть свой путь на земле. И раскаялся я, Ной, что сотворил Человека, – голос творца возвысился до грозного звучания.

Ной похолодел от страха. Он понял, что сейчас прозучит приговор.

– Я решил истребить весь род людской с лица земли, а заодно и всех скотов, гадов и птиц небесных. Короче – всё живое на земле. Я наведу на землю потоп водный и затоплю всю землю.

Ной стоял совершенно оглушённый обрушившейся на него вестью, с поникшей головой.

– С тобой же, Ной, я поставлю Завет мой: ты с женой своей Милкой и сыновья твои с их жёнами будете спасены.

– Чем же я, Создатель, лучше других? – искренне удивился Ной.

– А тем, что жил по моим законам: землю возделывал, плодился, но не прелюбодействовал.

«Неужто пронесло? – мелькнуло в голове у Ноя. – Не узнал старик», – он с испугом вспомнил красавицу Аду, жену Серуха – гончара из Харрана. Правда, давно это было, но было!

– А теперь слушай меня внимательно и запоминай всё, что ты должен сделать, – повелел голос.

И Бог подробно объяснил Ною, где и как построить Ковчег для своего спасения.

– Сроку даю тебе на постройку Ковчега – полгода. Знаю, трудно тебе будет, ведь не строитель ты вовсе. Поэтому будет тебе во всякую помощь – Бестелесный. Слушай его и следуй всем его указаниям. Возьмёшь с собой в Ковчег также от всякого скота, от всех гадов, от всех животных и от всякой живой плоти по семи пар чистого и по паре нечистого, мужского пола и женского, для будущего разбавления. Да не забудь взять с собой всякой пищи и корма для пропитания своего и животных.

– А как долго мы будем спасаться в Ковчеге, – спросил Ной.

– Сорок дней и ночей я буду изливать потоп водный, пока не потоплю всех дышащих и имеющих ноздри на земле. Да и после этого вода умножится и уйдёт не скоро. Думаю, около года, – ответил Творец.

– Творец мой, – в глубоком волнении воскликнул Ной. – Где же я наберу столько продовольствия для семьи своей и фуража для прокорма животных?

– Возьми пищи всякой и кормов, сколько заготовишь. А о количестве не заботься – не убавится. Манны небесной не обещаю, но и с голоду никто не умрёт. – И, подумав, добавил: – Да и в каком виде манна моя дойдёт до тебя, когда все хляби небесные распахнутся... И вот ещё что, – продолжил ОН, – не мешкай, завтра же приступай к строительству. Сыновья твои будут с тобой. А теперь запомни главное: о моём Завете с тобой знаем только ты да я! Проговоришься кому – либо до срока: жене, детям, брату, другу – истреблю и тебя, и род твой. Знаю, тяжело будет тебе носить в сердце своём Завет мой, но верю в тебя. А теперь ступай.

Куст замер и тут же вернулись все звуки утреннего леса: щебет птиц, дуновение ветерка и шелест листьев. Ной, очнувшись как после тяжёлого сна, почувствовал необыкновенную усталость, прошёл немного и сел на ближайший камень. Он хотел обдумать всё, что он услышал. Однако до конца осознать всё, что произошло, Ной смог не сразу. Между тем солнце поднялось уже высоко и стало припекать. Начинать работу в поле в этот час было уже поздно. Да он и не смог бы работать сегодня. Ной собрался уже было идти домой, его переполняло, хотелось поделиться с Милкой, она была разумной женой и помощницей во всём, но, вспомнив завет ЕГО, Ной понял, что обречён на одиночество. В этом была его жертва во имя спасения семьи. Ной посидел ещё, размышляя об услышанном, потом поднялся и пошёл домой.

Он шёл, погружённый в свои мысли, не видя ничего вокруг.

– Здравствуй, Ной! – окликнули его. – Ты сегодня рановато обратно, солнце ещё не зашло. Это был Нахор, его сосед. Он был шорник, и Ной как раз проходил мимо навеса, под которым он работал. Обычно, встречаясь, они обменивались новостями и любили побалагурить обо всём. Но сейчас Ной только рассеянно кивнул Нахору и прошёл мимо, не сказав ни слова. Теперь, когда он был обременён таким страшным знанием того, что вскоре должно было произойти, любая встреча стала для Ноя тяжёлым душевным испытанием. Ной шёл по посёлку, стоял дневной зной, и улица, к счастью, была пуста: мужчины работали, а женщины сидели по домам и занимались детьми и хозяйством.

Дома его так рано не ждали. Милка стирала, а невестки работали по дому.

– Что – то ты сегодня рано, Ной, – сказала Милка. – Не случилось ли чего? – увидев его расстроенное лицо, спросила она.

– Нет, просто не здоровится. Пойду полежу. Постели мне в тени под навесом, – попросил Ной.

– Может, дать тебе травяного отвару? – спросила Милка.

– Не надо ничего, я просто хочу отдохнуть, – ответил Ной.

Он лежал, закрыв глаза, снова и снова перебирая в памяти недавний разговор с НИМ.

Хорошенькое дело, держать ЕГО Завет в тайне! В тайне от всех? А что он скажет вечером Милке и всей семье о предстоящем строительстве? Как объяснить им такой крутой поворот в их жизни? А младший брат его Аран и сестра Ревекка, живущие в Бефсахаре, а соседи, друзья?.. Что сказать им?

А уж когда Ной подумал о том, ЧТО всех их ждёт через полгода, ему стало совсем тошно. Неужели придётся проститься со всем, что было в его жизни? И они все погибнут? А что будет с ним – Ноем и его семьёй потом, после потопа? Эти вопросы мучили Ноя, но оставались без ответа. Он открыл глаза и, глядя в небо, впервые в своей жизни обратился к НЕМУ:

– Творец мой! Зачем выбор твой пал на меня?! Как же тяжела твоя благодать! Укрепи дух мой и силы мои перенести выпавшие на мою долю испытания и выполнить Завет ТВОЙ!

Вечером, когда вся семья собралась за ужином, все обратили внимание на необычно сосредоточенное выражение лица Ноя. Он был хмур и ел молча. Когда все поужинали, он сказал:

– Слушайте меня внимательно и не перебивайте вопросами. Завтра я с Симом, Хамом и Иафетом начинаю постройку...

Он запнулся, так как сам до конца не представлял ещё себе, что они будут строить. Знал только, что ОН назвал это Ковчегом.

– Постройку нового жилища. Строить будем не здесь. Утром я покажу место. А в поле работать будут Руфь, Хеттуру и Наама. Если времени у нас хватит, то поможем вам, но, думаю, что придётся вам одним управляться в поле. А матери вашей, – он взглянул на Милку, – здесь по дому работы хватит.

Все словно оторопели. Повисло тягостное молчание. Слышно было только потрескивающие лучины, горевшей в глиняной чаше. Нарушил молчание Сим.

– Отец! Зачем нам нужно строить новый дом, да ещё в другом месте. И этот дом для нас хорош. Мы здесь родились, всех знаем, и нас все знают. Здесь наши друзья, соседи, – слова его резали Ноя словно по – живому. – И потом, когда у нас с Руфью появится первенец, я построю себе свой дом. А там и Хам с Иафетом... – Он остановился, не договорив, увидя выражение лица Ноя. Таким он ещё никогда не видел своего отца.

Ной понимал всю справедливость того, что говорил Сим. Но если бы Сим знал то, что знал Ной!

– Вот что я скажу всем вам. – Ной оглядел притихшую семью. – Не спрашивайте меня больше ни о чём, всё равно я вам не отвечу. Будем делать то, что я сказал. Нам будет тяжело, но в этом промысел Творца и участь наша!

Всю ночь Ной ворочался и вздыхал. Милка пыталась выпросить его о том, что всё это значит, но он так посмотрел на неё, что вопросы замерли у неё на губах. А рано утром Ной вместе с сыновьями отправились к тому месту, которое накануне Ноем указал ОН. Они шли рощей, которой обычно ходили работать в поле, но, не дойдя до него, свернули к пологой лощине. Места были им знакомы. Когда лощина кончилась, они вышли к большой поляне. Здесь Ной остановился.

– Строить будем здесь, – ровным, но твёрдым голосом, не допуская возражений, объявил Ной.

Сим, Хам и Иафет с изумлением огляделись вокруг.

– Но, отец, здесь же ничего нет! – воскликнул Хам. – Ни жилья, ни дороги. Да и поле наше отсюда дальше, чем от нашего дома.

– И что же, мы здесь будем жить одни? – поддержал брата Иафет. – А что будет с нашим старым домом?

– Отец! – вступил Сим. – Вы и сейчас не можете нам объяснить, что означают все эти перемены?

Ной вздохнул, обвёл своих сыновей взглядом и сказал:

– Вам ещё многому предстоит удивляться, и многое покажется вам непонятным, смешным и нелепым. Вы ещё испытаете насмешки над собой и своим отцом со стороны соседей и даже друзей. Вы тоже не сможете найти ответов на вопросы, которые вам будут задавать. И ещё, самое важное, всё, что вы здесь будете делать и видеть, вы должны хранить в себе и не рассказывать ни одной живой душе. От этого будут зависеть жизни ваши и ваших близких.

Он помолчал и закончил:

– Я заклинаю вас следовать тому, что я вам сейчас сказал.

– Ну что же, а теперь начнём, пожалуй! – услышали они раздавшийся словно из ниоткуда голос. Это не был голос их отца и звучал он странно – был ровным и тихим, но внушительным.

Они оглянулись, стараясь понять, где находится сказавший это, и только старый Ной всё понял сразу: это был тот, о котором ОН вчера сказал – Бестелесный.

– Обойдёмся без представления, – струящийся рядом с Ноем воздух обозначил примерное место пребывания Бестелесного. Ребята по – прежнему продолжали вертеть головами, стараясь увидеть говорившего.

– Я рядом, но вам не дано меня видеть, только слышать. Я здесь, чтобы помочь вам в строительстве Ковчега и отвечать на все вопросы, относящиеся непосредственно к этому строительству. Посторонних вопросов прошу мне не задавать.

Бестелесный показал им, где лежат приготовленные для строительства инструменты, и рассказал, для чего они нужны и как ими пользоваться. Когда он указал размеры Ковчега, сыновья Ноя не поверили своим ушам. Они не могли себе даже представить сооружение таких размеров.

– Отец, нам будет не под силу построить такой огромный дом. Он же размером с эту поляну, – уже даже не спрашивая, зачем такой огромный дом был им нужен, обратился к отцу Сим.

За Ноя ответил Бестелесный:

– Во – первых, запас карман не тянет; а во – вторых, запомните: глаза страхом полны, а руки дело делают. Сейчас я расскажу, с чего нужно вам начать. Каждое утро здесь, на этой поляне, вы будете находить всё то, что необходимо для строительства. Я буду вас учить строить, только не ленитесь. Помните: работы у вас много, а времени мало.

Когда односельчане узнали, что старый Ной вместе с сыновьями затеял какое – то небывалое строительство, они были страшно удивлены. Ведь ради этой небывалой стройки Ной с сыновьями забросил полевые работы!

– Да разве могут женщины заменить здоровых и сильных мужчин в поле? – судачили соседи.

Но когда жители посёлка увидели, каким громадным и уродливым будет это жилище, без единого окна, с одной маленькой дверью, они решили, что Ной сошёл с ума. Поначалу каждый день селяне приходили смотреть на небывалое строительство и порядком мешали Ною, отвлекая его и сыновей разными вопросами и даже насмешками. Бестелесный в таких ситуациях отсутствовал. Даже соседские мальчишки, встречая проходившего по улице Ноя, кричали ему вдогонку:

*Старый Ной построил дом,
Нет дверей и окон в нём!*

Ной сначала было сердился на них, но потом, представив только, что их ждёт впереди, жалко улыбался, а на глазах его выступали слёзы. Но особенно тяжело было ему встречаться с Химафеем, своим старым другом. Химафей был лет на шестьдесят старше Ноя и был Ною как старший брат. Их дома стояли рядом, и они дружили всю жизнь. У Химафея было три внука и самый младший – Раган – очень привязался к Ною. Ной тоже полюбил его всей душой, ведь своих внуков у него до сих пор не было: играл с ним, когда приходил в гости к другу, и даже вырезал для него из орешника киннору, маленькую свирель. Однажды, возвращаясь с работы и проходя мимо дома Химафея, он услышал, как тот позвал его:

– Эй, Ной, дружище! Давно не был. Заходи, посидим, выпьем молодого вина.

Химафей был старый виноградарь и научил Ноя премудростям виноградарства. И вино у Химафея было лучшее в округе. Они сидели во дворе дома Химафея в тени виноградной лозы и пили вино, которое им принесла в глиняном кувшине Лия, жена его. Но обычно живая беседа на этот раз не клеилась: Ной молчал и только гладил по голове сидевшего рядом с ним маленького Рагана. Он не мог заставить себя смотреть Химофею и Лие в глаза.

– Ной, – обратился к нему Химафей. – Вчера я был на той поляне и видел, что ты строишь. Я долго прожил на свете и не видал такого дома. Да и дом ли это? Скажи, почему ты решил уйти от нас и строиться в другом месте? Или мы были плохими соседями и друзьями? Может, тебя или кого из семьи твоей обидели? Я замечаю – в последнее время ты стал другим: людей избегаешь, хмуришься и глаза прячешь. Может, скажешь старому другу, что с тобой? Могу ли я тебе чем помочь?

Ной тяжело вздохнул и посмотрев в глаза Химафею, ответил:

– Друг мой, мы вместе много лет и понимаем друг друга с одного взгляда и с полуслова. Мне сейчас очень тяжело, но помочь ты мне не сможешь, а сказать тебе, что меня гнетёт и гложет, я не смогу. – Ной вздохнул. – Поэтому, прошу тебя, не спрашивай меня ни о чём.

Он подошёл к Химофею, обнял его и вышел.

– Что с ним? – спросила Лия. – Ничего не понимаю. И Милке он тоже ничего не рассказывает.

Химофей только пожал плечами и задумчиво посмотрел куда – то вдаль.

Ной словно очнулся от этих воспоминаний. Он не мог сказать, как долго он пробыл у этого куста, вспоминая и вновь переживая события прошедших месяцев. Однако пора было возвращаться домой, ему ещё надо было проверить упряжь для ослов. Дома его ждали с ужином, несмотря на то, что он пришёл поздно. Поев, Ной напомнил Руфи, Хеттуру и Наами, что с завтрашнего дня они будут возить к Ковчегу земляную смолу из Фекола. Потом Ной осмотрел ослиные упряжки, которые для него сделал шорник, они были в порядке – Нахор был настоящий мастер.

Прошло ещё несколько дней, и они закончили смолить Ковчег. Дело это было для них новое, но благодаря Бестелесному они с ним быстро и хорошо справились. Всё было готово. В конце рабочего дня Ной с ребятами собирались уже идти домой, когда послышался знакомый голос Бестелесного:

– Отпусти, Ной, сыновей домой – пусть идут. Разговор есть.

Он умолк, подождав, пока не стихли шаги ребят.

– Ну что же – Ковчег построен. Пропитание ваше и корма для скотов и животных заложены. Завтра утром ты, Ной, и вся семья твоя взойдёте в Ковчег и будете принимать скот всякий, приходящий, ползущий и летающий: чистого по семи пар, нечистого – по две пары. Так ОН велел. Забота ваша – разместить всех тварей правильно. Домой вы уже не вернётесь. Сыновей и женщин своих предупреди, чтобы не пугались зверей хищных и гадов ползущих. Ты помнишь, Ной? Никто и никому в Ковчеге зла не причинит!

Ной кивнул головой, давая понять, что помнит Завет этот и всё понял правильно. Он подумал, что в его семье никто уже не спрашивает его ни о чём и ничему уже не удивляется. Правда, Ной не знал, что в его отсутствие семья всё время обсуждает то, что они делают, и самое главное – для чего? Но все понимали, что должно произойти что – то невероятно важное, что полностью изменит их жизнь. И эта неизвестность беспокоила всех больше всего на свете.

Между тем Бестелесный продолжал:

– Завтрашний день, Ной, – твой последний здесь. Ты и жена твоя, и сыновья твои с жёнами должны уйти на рассвете. Прощаться ни с кем не надо! Когда вы все до последнего взойдёте в Ковчег, ОН сам затворит за вами дверь и осмолит её. Семь дней вы будете ожидать начала потопа, но выйти из Ковчеге вы уже не сможете. Вы будете в Ковчеге до конца потопа, а потом ОН вспомнит о тебе, Ной.

За ужином Ной объявил, что утром они все должны навсегда покинуть дом. И хотя каждый из них был внутренне к этому готов, слова Ноя всех ошеломили. Женщины плакали, а мужчины молча разошлись по своим углам.

– Завтра нам предстоит тяжёлый день, – сказал Ной. – Вы не должны бояться того, что вы увидите, – поднимаясь из – за стола сказал он. – Нам надо отдохнуть и набраться сил. Ложитесь спать, – с этими словами Ной задул лучину.

Сам Ной в эту ночь так и не сомкнул глаз. Перед его мысленным взором проходили многие из тех, кого он завтра должен будет оставить здесь навсегда. Им всем предстояло очень скоро уйти в небытие: близким и дорогим ему – сестре и брату, друзьям и соседям, людям малознакомым и незнакомым совсем. А когда он вспомнил о маленьком Рагане, Ной даже застонал. Милка, крепко обняла и прижалась к нему. Она сердцем чувствовала его страдания, хотя, как и все, не представляла себе, что должно вскоре произойти. Ной же думал о том, как тяжело прощаться, когда хоронишь близкого тебе человека. А как жить после того, как ты похоронишь весь окружающий тебя мир?..

Перед рассветом Ной с семьей, собрав нехитрые свои пожитки, покинули дом и направились к Ковчегу. Они шли по посёлку, не встретив, к счастью, никого из соседей. Им не хватило бы никаких душевных сил объяснить что – либо.

Ещё на подходе к поляне они услышали громкий гул, в котором можно было различить и львиный рёв, овечьё блеяние, мычание, рыки диких зверей и множество иных звуков. Когда же они подошли ближе, их глазам представилась фантастическая картина: вся поляна, на которой стоял Ковчег, и прилегающая к ней лощина были полны животными, как дикими, так и домашними; окружавшие поляну деревья склонялись под тяжестью сидевших на их ветвях, птиц, обезьян, лемурув, белок и прочей живности. Ною пришлось успокоить испугавшихся всего этого женщин. Они осторожно пробирались к Ковчегу, стараясь не наступать на шуршащих под ногами змей, крокодилов и ящериц. На камнях тут и там сидели лягушки, тритоны. Рядом ползали скорпионы и другие неведомые им пауки. Воздух роился от множества жуков, пчёл, бабочек и прочей мошкары. Кого тут только не было!

Но самым удивительным было мирное сосуществование всех зверей, животных, птиц и гадов земных. Антилопы и овцы щипали травку прямо перед носом у львов и тигров; змеи не поворачивали голов на сидящих рядом сусликов, кроликов или полевых мышей; рядом с крокодилом овечка пила воду из ручейка, а гепарды с ягуарами расположились рядом с семейством косуль. По соседству паслись верблюды.

– Прямо эвакуация какая – то, – тихо пробормотал незнакомое, но как – то неожиданно пришедшее ему в голову слово Ной. – Поистине неисповедимы пути твои и желания, Творец.

В дикой какофонии звуков от сгрудившихся вокруг Ковчегу зверей, Ной объяснил своим, как и куда селить животных. Ещё раньше Бестелесный подсказал, что на нижней палубе должны разместиться все гады ползучие, крокодилы, бегемоты, а также птицы и насекомые; на средней – дикие и хищные животные; а на верхней – Ной с семьёй и домашние животные.

Они разделились: Ной с Милкой занимались расселением на верхней палубе; Сим и Руфь – на средней; Хам и Хеттуру – на нижней, а Иафет с Наамой следили за порядком у входа в Ковчег. К их великому удивлению, животные, словно повинувшись чьей – то невидимой воле, спокойно поднимались в Ковчег и следовали к отведённым для них местам. Так же послушны были пресмыкающиеся, крокодилы и прочие земноводные, птицы, жуки и насекомые.

В этих хлопотах день пролетел как мгновение. Перед заходом солнца Ковчег был полон, и все заняли отведённые для них места. Поляна, на которой стоял Ковчег, опустела. Наступила относительная тишина, прерываемая только отдельными звуками, издаваемыми разными животными или птицами. В этой тишине Ной услышал напутствие Бестелесного:

– Слушай, Ной! Сейчас ОН сам закроет дверь в Ковчег и осмолит её снаружи. Станет темно, но ты сможешь видеть смену дня и ночи сквозь оконце в крыше. Ещё семь дней Ковчег будет стоять, и вы будете все в нём, пока не начнётся то, что должно произойти. Помни, Ной, ОН тебя не оставит. Вы будете спасены.

Сразу же после этих слов они услышали, как захлопнулась дверь в Ковчег, и почувствовали густой аромат свежей смолы. Дверь словно бы опечатали. Наступила кромешная тьма. Милка зажгла на верхней палубе несколько лучин. Зажгли лучины и на средней и нижней палубах. Им было страшно находиться одним в полной темноте и неизвестности среди огромного количества диких животных. Все собрались вместе, чтобы наконец поесть и обсудить всё, что произошло в этот день с ними. Но разговора не получилось – настолько все были душевно и физически подавлены.

О наступлении утра Ной узнал, открыв маленькое оконце – люк размером в локоть, вырезанное им ранее в крыше Ковчегу. Но не только: весь Ковчег был наполнен рёвом, мычанием, блеянием, хрюканьем, лаем, кудахтаньем, шипением, чириканьем, кваканьем, жужжанием и множеством иных звуков, которые издавали находящиеся в Ковчеге живые существа. Всех их надо было накормить. Для Ноя и его семьи сразу же началась повседневная тяжёлая работа.

Она не оставляла им времени скучать и отвлекала от грустных мыслей. Многое из того, что было устроено в Ковчеге, они никогда не видели ранее – например, ступеньки и лестницы, благодаря которым можно было переходить с палубы на палубу, а также полы, покрытые деревом.

Странное зрелище представлял собой Ковчег. Огромное, сплошь деревянное сооружение, стояло на поляне, занимая её почти целиком. И не было в нём ни окон, ни дверей. Но эта рукотворная гора не была мертва. Внутри она была полна всевозможных звуков. Семь чудесных солнечных дней стоял Ковчег на поляне, и все эти дни люди из Ноева посёлка и других селений приходили сюда, чтобы увидеть своими глазами это чудо. Все знали уже, что Ной с семьёй находятся внутри его. Люди ходили вокруг Ковчеха, продолжая удивляться, посмеиваться и подшучивать над чудачком Ноем. Они кричали Ною, стучали в стены Ковчеха, стараясь услышать что –нибудь в ответ, но – бесполезно. В ответ до них доносился только животный рёв, но не человеческие голоса. Так продолжалось последние семь допотопных дней.

Ранним утром восьмого дня Ной проснулся от едва слышного шороха за стеной Ковчеха. Он открыл люк – это накрапывал мелкий дождик. Но внутри у Ноя всё похолодело: вот оно! Началось! «Творец – Создатель! – обратил свой взор к небу старый Ной. – Предаём себя в руки твои. Будь милостив к нам, живущим и дышащим одним воздухом с тобой!»

К середине дня дождь усилился, а к вечеру он уже ливнем барабанил по стенам и крыше Ковчеха. Никто, кроме Ноя, особенно не печалился по поводу начавшегося дождя. В этих местах дожди были редкость и всегда во благо. Один Ной понимал, что это и есть начало конца.

«Надо, наконец, открыть им глаза. Пора всем узнать правду, – решил он. – Довольно, я не могу больше носить в себе этот камень».

Когда всё семейство после тяжёлого дневного труда собралось вместе за трапезой, Ной поведал наконец им о начале потопа. Хотя все понимали, что он открыл им ту страшную тайну, которую носил в себе все эти долгие месяцы, но осознать до конца всю глубину и неотвратимость предстоящего они смогли не сразу. Да и самому Ною порой казалось, что всё происходящее – сон, который закончится счастливым концом. Он передумает, дождь кончится, и они выйдут из Ковчеха...

Дождь не прекращал идти всю ночь, а утром ещё больше усилился. Казалось, все хляби небесные широко распахнулись, извергая потоки воды. Женщины набирали эту дождевую воду в заранее приготовленные кувшины, стоя у открытого люка на верхней палубе, и разносили их поить живность. На стенах и крыше Ковчеха в некоторых местах стала просачиваться вода, и Ной с сыновьями заново их смолили, заранее запасённой по совету Бестелесного смолой.

На следующий день ливень продолжал лупить с той же силой, что и накануне. Никто больше не приходил к Ковчегу, и он, одинокий и громадный, стоял, омываемый потоками воды, словно выросший среди леса сказочный холм.

Прошла неделя, а дождь лил не переставая. Небо было безнадежно серым, без единого ясного проблеска. Обитателям Ковчеха трудно было себе представить, что происходило за его стенами. Они мало – помалу начинали свыкаться с мыслью о неизбежном. А между тем снаружи вода всё прибывала и прибывала. Ручьи на глазах превращались в полноводные реки, которые начинали разливаться, захватывая, прежде всего, низинные участки суши. Долину, где стоял посёлок Ноя, начало затапливать. Его односельчане, поначалу радовавшиеся дождям, стали проявлять беспокойство, которое по мере прибывания воды сменилось настоящей паникой.

Кое – кто из жителей селения стал догадываться, для чего их сосед выстроил этот Ковчег. А так как в связи с наводнением скот перестали выгонять на пастбище, да и все работы в поле также прекратились, то и времени обсудить эту тему у односельчан прибавилось. Встречаясь, они непременно говорили о Ноевом Ковчеге, не столько поражаясь его размерам, сколько провидению Ноя. О том же думал и Химафей. Но, в отличие от остальных, он понял, наконец,

причину того, что происходило с его другом. Химафей теперь точно знал, что все они, находящиеся вне стен Ковчег, обречены. Через два дня, когда нельзя было уже оставаться в доме из – за пришедшей туда воды и Лия с детьми и внуками спешно собирали вещи, он посадил маленького Рагана себе на плечи, укрыв его голову широким пальмовым листом от дождя, и побрёл по пояс в воде в сторону Ковчег. Идти было трудно, так как воды становилось всё больше и больше. Вымокшие до нитки, дед с внуком подошли к Ковчегу только к полудню.

Потемневший от воды, угрюмый и мрачный, Ковчег казался необитаем. Но Химафей знал, что это не так. Тот, который сейчас был ему нужен больше всего на свете, был там рядом. Химафей подошёл вплотную к Ковчегу, ударил кулаком в стену и крикнул что было сил, перекрывая шум дождя:

– Ной! Ты меня слышишь? Это я – твой друг Химофей! Я здесь с Раганом. Ты должен спасти хотя бы его. Ведь ты его любишь! Ответь мне, Ной!

Маленький Раган, измученный дождём и тяжёлой дорогой, испуганно глядя на деда, никогда так громко не кричавшего, заплакал.

– Ты меня слышишь, Ной? – снова крикнул Химафей. Но в ответ он услышал только раздавшийся внутри Ковчег противный вой шакала.

Не сказав больше ни слова, Химофей с Раганом побрёл обратно. Надо было спастись. Химафею уже не дано было узнать, что в тот же день, и на следующий день, и ещё через день – до тех пор, пока вода позволяла добираться до Ковчег, к нему пробирались люди с детьми на руках, умоляя Ноя спасти их и принять в Ковчег.

Но и Ною не дано было знать это. Ни единого постороннего звука, кроме шума дождя, не проникало в Ковчег. В этом состояла милость Творца, понимавшего, как велика цена, которую заплатит Ной за своё спасение.

А ещё через несколько дней, в полдень, все постояльцы Ковчег почувствовали, как он вдруг вздрогнул, словно ожил, со страшным скрипом накренился сначала на один бок, затем на другой и снова стал прямо, но почему – то странно качаясь из стороны в сторону. Обитатели Ковчег страшно были напуганы. Звери подняли громкий вой, а люди хватались за стены, ложились на пол. Семья Ноя – они никогда не видели моря и им ещё предстояло узнать морскую качку. Ковчег плыл! Он начал своё плавание под проливным дождём, повинувшись лишь ветру и волнам, поначалу то и дело натываясь на торчащие полузатопленные деревья или крыши уже мёртвых домов. При каждом таком толчке люди кубарем валились на палубу, ужас охватывал находившихся в нём людей и животных.

Дождь, лившийся, как ОН и предрекал, неослабевающим потоком сорок дней и ночей, всё прибавлял воды на земле, и вскоре вся земля была покрыта водной гладью. Лишь кое – где высились ещё не затопленные вершины самых высоких гор, с густо облепившими их, пытавшимися спастись последними людьми, животными, дикими зверями и птицами. Но и их жизненное существование подходило к концу. Иногда Ковчег, подгоняемый волнами, подплывал близко к ним, но не умеющим плавать людям было не достичь его. Даже спустя сорок дней, когда дождь прекратился, как и обещал ОН, вода всё прибавлялась, и вскоре даже вершины гор оказались под водой на глубине не менее пятнадцати локтей. Последними погибли птицы, которые тучами садились на крышу Ковчег – этого единственного оставшегося крохотного клочка суши. Но и они не смогли выжить без корма.

Всё, что могло дышать, – всё умерло, и допотопная жизнь на земле прекратилась. Кругом была только бескрайняя водная гладь. И только Ковчег, как корабль – призрак, продолжал своё бесцельное плавание в этих необъятных просторах. Однажды волной к нему прибило бревно, к которому было привязано виноградной лозой тело ребёнка. Мальчик был мёртв.

Десять месяцев продолжалось плавание Ковчег, и всё это время теплилась жизнь в его чреве. Словно по негласному уговору, ни сам Ной и никто из семьи не упоминали никого из

той прошлой жизни. Да и саму допотопную жизнь они больше вслух не вспоминали. Их существование было заполнено тяжёлым трудом. Они работали не покладая рук, чтобы прокормить такую ораву зверей и прочей живности и держать в чистоте помещения Ковчега. Никаких запасов продовольствия и фуража им, конечно бы, не хватило, но, как ОН и обещал, каждое утро в кладовых они находили достаточный запас кормов и продуктов. Воды тоже было в достатке. А среди всех живых тварей царили мир и покой. Поэтому и люди чувствовали себя в безопасности, постоянно находясь среди хищных и некогда опасных животных и гадов.

Через семь месяцев плавания Ной каким – то чутьём понял, что воды не только больше не прибавляется, но она начинает потихоньку уходить. К тому же Ной помнил, сколько времени ОН отвёл потопу. Ной решил проверить свою догадку. Он попросил Иафета принести ему ворона. Когда тот принёс птицу, Ной выпустил его через открытый люк.

– Что вы сделали, отец, ведь он же погибнет, – сказал ему сын.

Мудрый старый Ной, возможно, впервые за многие месяцы улыбнулся.

– Не волнуйся, Иафет. Ничего с ним не станет. Если он вернётся обратно, значит действительно вся земля ещё укрыта водой. А если он долетит до земли и найдёт себе там пропитание, он не вернётся, и мы будем знать, что вода уходит.

Спустя какое – то время ворон вернулся. Через неделю Ной повторил свой эксперимент, но уже с голубем. Голубь вернулся тоже. Все приуныли, понимая, что им ещё долго оставаться пленниками Ковчега. Но когда ещё через неделю Ной выпустил голубя опять, тот вернулся, держа в клюве свежий масличный лист. Значит, где – то вода ушла совсем! На Ковчеге началось бурное ликование. Даже звери всполошились, будто почувствовали близость земли. Впервые в истории прозвучало радостное: «Земля!» А ещё через несколько дней Ной снова выпустил голубя, но тот уже не вернулся. Однако понадобилось ещё некоторое время, чтобы вода ушла совсем и земля подсохла.

Плавание Ковчега закончилось так же неожиданно, как и началось. В одно прекрасное утро, когда, накормив животных, Ной с семьёй сели завтракать, раздался сильный треск и грохот, люди повалились на пол, опрокинулась и побилась глиняная посуда, на всех палубах возник страшный вой, шум и гам – Ковчег, наткнувшись на что – то, встал. Придя в себя и подождав немного, Ной с сыновьями открыли люк и разобрали часть крыши, чтобы понять, что произошло, и оценить обстановку. Они увидели, что Ковчег наконец – то нашёл своё последнее пристанище на пологом склоне горы, в стороне им совсем незнакомой. Он стоял, накренившись носом вперёд, а кругом всё ещё была вода, но она постепенно отступала, обнажая землю, и ласковый тёплый ветерок сушил её поверхность.

Ещё несколько дней Ковчег продолжал жить походной жизнью, пока не ушла полностью окружавшая его вода и не подсохла земля, на которой он продолжал стоять. И тогда снова услышал Ной обращённые к себе слова Творца, приведшие его в радостный трепет:

– Потоп окончен, земля очищена, Ной! Выйди из Ковчега – ты и жена твоя, Милка, и сыновья твои вместе с жёнами. Пора всем покидать Ковчег. Выведи с собою всех животных от всякой плоти, из птиц, и скотов, и всех гадов, пресмыкающихся по земле. Пусть разойдутся они по земле и пускай начнут плодиться и размножаться вам во благо. И пусть отныне страшатся и трепещут вас. Вы же теперь единственные человеки на земле – новая порода!

С грохотом открылась дверь, и Ной с семьёй, шурясь с непривычки от яркого солнца, озираясь и оглядываясь, вышли из Ковчега. А вслед за ними стали выходить, выпрыгивать, выскакивать, вылетать и выползать остальные обитатели Ковчега. Это было необыкновенное зрелище: до поры безмолвный горный склон наполнился рёвом, рыком, мычанием и иными звуками от спускающихся по нему в долину бесчисленных земных тварей.

Ной, только сейчас поверив до конца в спасение своё и семьи, с наслаждением и умилением смотрел в синее небо и окружающие его горы. Потом встал на колени и поцеловал землю, на которой стоял. Даже сейчас Ной не мог до конца осознать, что они одни на всей этой огром-

ной земле. Он не знал, какими словами выразить свою благодарность Творцу за спасение своей семьи. Неожиданно ему помог Бестелесный:

– Я же говорил тебе, Ной, что ОН не забудет и спасёт тебя! Воздай ЕМУ почёт: ОН это оценит! Устрой ему жертвенник из всякого чистого скота и птиц во всесожжение.

Ной сделал так, как ему сказал Бестелесный. Когда запылал жертвенный костёр, Ной собственноручно зарезал из чистого скота и птиц для всесожжения в честь Творца. Когда вся семья собралась у костра, Сим, стоящий с ним рядом, шёпотом сказал на ухо отцу:

– Отец, когда мы собирали хворост для жертвенного костра, мы видели человеческие останки между камней. Наверное, эти люди, спасаясь от потопа, бежали в горы, но вода их настигла.

– Молчи, Сим, и благодари Творца за спасение своё и жены твоей, – так же тихо ответил сыну Ной. Он пристально смотрел на жертвенный огонь, и едкий дым ел ему глаза. В глазах у Ноя стояли слёзы, а в голову пришла мысль, ужаснувшая его самого своей крамольностью:

– Для кого – то этот костёр жертвенный, а для кого – то – поминальный.

Он стоял и впервые за всё это долгое и страшное время разрешил себе вспомнить ушедших: брата Арана и сестру Ревекку, Химафея, Лию, маленького Рагана, Нахора, соседей, просто знакомых и, конечно же, красавицу Аду, жену Серуха, и многих ещё, с кем делил он ту прежнюю долгую и такую прекрасную допотопную жизнь.

Его воспоминания неожиданно прервал голос Бестелесного:

– Ты всё правильно сделал, Ной! ОН нашёл благоухание жертвенного костра приятным и хочет говорить с тобой. Отойди к скале за твоей спиной.

Ной тотчас же повиновался и подошёл к скале.

– Ну что же, Ной, не стану больше проклинать Землю за Человека, – услышал он уже знакомый голос. – Понял я, что помышления человеческого сердца есть зло от юности его, и только. (Ной с горечью подумал в этот момент, что цена эксперимента оказалась слишком высока: чтобы в этом убедиться, пришлось уничтожить всё живое на земле). – Не буду больше поражать всего живущего, как я сделал. Отныне во все дни земли: сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся никогда. Поэтому, – продолжал ОН. – Плодитесь, и размножайтесь, и наполняйте землю.

Ной стоял, слушал и слёзы душили его. Его переполняли смешанные чувства благодарности к Творцу и тайного и глубокого сожаления о содеянном ИМ.

«И радуга моя будет знамением вечного завета между Мною и Землёй» – услышал Ной последние ЕГО слова.

Утром следующего дня, переночевав последний раз в опустевшем Ковчеге, Ной с семьёй покинули его и спустились в долину. Никто из них, конечно, в этих местах никогда не был и как эти места назывались раньше, не знал. Надо было начинать жизнь сначала, практически с нуля. Они были совершенно одни на всей земле, но время от времени они находили свидетельства допотопной жизни: размытые потопом остатки домов, уцелевшую домашнюю утварь и даже не погибшую виноградную лозу. Они облюбовали одну уютную поляну на берегу небольшой речки – место, напоминавшее им их прежнее, допотопное, и решили там обосноваться.

Ной снова начал возделывать землю, а из найденной лозы, в память о Химафее, насадил виноградник. Ему суждено будет прожить долгую послепотопную жизнь, и он ещё узнает вкус вина, выжатого из этого винограда. Ной увидит ещё своих внуков, и правнуков, и даже детей правнуков. И многочисленное потомство будет ему в радость. Но всякий раз, оставаясь наедине с собой, он будет грустить, вспоминая допотопную жизнь. Его часто будут посещать видения прошлого: события и люди, словом всё, из чего состояла его прежняя жизнь. Как Ной ни старался, он не мог понять, чем он сам и нынешние его потомки лучше допотопных людей. Но страшась гнева Творца, Ной гнал от себя эти мысли. Жизнь брала своё, и надо было проживать её до конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.